

Т. Я. ЕЛИЗАРЕНКОВА

ОБ ЭМФАТИЧЕСКИХ МЕСТОИМЕНИЯХ В ХИНДИ

При описании местоимений в грамматиках хинди обычно встречаются упоминания о том, что в этом языке существуют эмфатические местоимения, образуемые путем сочетания простых местоимений с эмфатическими частицами (иногда их называют также суффиксами или аффиксами) *hi* или *ī*, и даются отдельные примеры таких местоимений — то на синтаксические сочетания местоимения с *hi*, то на слитные местоименные формы, в составе которых этимологически вычленяется тот или иной вариант морфемы, выражающей эмфатическое значение¹. В «Нормативной грамматике современного хинди» впервые даются списком все употребляющиеся слитные формы эмфатических местоимений и их фонетические варианты² (при этом фонетическая трактовка их как результата сандхи простого местоимения с частицей *hi*, а не *ī*, не всегда оправдана³). Такое установление набора единиц по парадигматической оси является необходимым шагом для получения описания этого разряда местоимений. Оно должно быть дополнено наблюдениями над их синтагматическим распределением (т. е. над реальным функционированием в тексте членов этой парадигмы). В уточнениях нуждаются некоторые правила противопоставлений эмфатических местоимений в пределах парадигмы. Не все ясно в соотношении парадигм простых и эмфатических местоимений. Наконец, всестороннее изучение эмфатических местоимений неизбежно приводит к постановке вопроса о соотношении морфологического и синтаксического уровней при описании этого разряда местоимений. Попытку наметить пути решения этих вопросов содержит предлагаемая статья.

Эмфатические местоимения изучались на материале современной художественной литературы на хинди, представленной произведениями разных жанров: романами, рассказами, пьесами, сказками, переложениями на хинди классических сюжетов упанишад и «Панчатантры».

Эмфатическими бывают в хинди прежде всего личные и указательные местоимения. Поскольку в функции личных местоимений 3-го лица выступают указательные по происхождению местоимения, при морфологическом анализе парадигм личных местоимений семантическим противопоставлением «личное — указательное» можно на первых порах пренебречь.

¹ См., например: S. H. Kellogg, A grammar of the Hindi language, 3rd ed., London, 1938, стр. 176; G. Greaves, Hindi grammar, Allahabad, 1933, стр. 170, 179—180; H. C. Scholberg, Concise grammar of the Hindi language, 3rd ed., Bombay, 1953, стр. 70; Камтапрасад Гурӯ, Грамматика хинди, ч. II, М., 1962, стр. 73, 77, и др. Бывает, что эмфатические местоимения и вовсе не упоминаются, что особенно парадоксально выглядит, если грамматика написана на хинди, и эти местоимения неоднократно встречаются в языке описания: Bholānāth Tivārī, Hindī bhāṣā kā saral vyākaraṇ, Dillī, 1958. О них не говорится и в специальном исследовании по истории местоимений: В. С. Воробьев-Десятовский, Развитие личных местоимений в индоарийских языках, М.—Л., 1956.

² См.: «A basic grammar of modern Hindi» (English version), Agra, 1958, стр. 42.

³ Так, например, вряд ли целесообразно трактовать *hamī* как *ham* + *hi* (интервокальное сочетание *-mhi-* в хинди допустимо).

Ввиду того, что парадигма эмфатических местоимений исторически сформировалась на базе парадигмы простых личных местоимений (это легко прослеживается при формальном синхронном анализе), имеет смысл сначала дать парадигму простых личных местоимений в хинди.

Хинди располагает следующим набором личных местоимений, выражающих лицо и число с помощью разных лексических единиц: *māi* «я», *tū* «ты», *vañ* «он» («тот»), *yañ* «он» («этот»), *ham* «мы», *tum* «вы», *ve* «они» («те»), *ye* «они» («эти»). Из них местоимение 2-го лица ед. числа, выражающее особую близость или грубость, употребляется очень редко, а в его функции обычно выступает местоимение 2-го лица мн. числа. В функции местоимения 2-го лица мн. числа для выражения особой почтительности употребляется возвратное местоимение *ār* «сам», с которым глагол согласуется в 3-м лице мн. числа. Местоимения 3-го лица противопоставлены по признаку «отдаленность — близость» (оппозиция, свойственная указательным местоимениям), причем немаркированным членом этой оппозиции является *vañ* «тот», выступающий как нейтральное обозначение личного местоимения 3-го лица ед. числа; *yañ* «этот» употребляется только тогда, когда нужно подчеркнуть близость к говорящему. В 3-м лице формы ед. числа часто употребляются в функции форм мн. числа.

Для личных местоимений в хинди характерна грамматическая категория падежа, которая складывается из оппозиции четырех граммем — прямого; косв.; дат.-вин.; эргат. С формальной точки зрения существует определенная иерархия этих падежей. Исходным является противопоставление прямого падежа косв. падежу, производным — противопоставление дат.-вин. и эргат. падежей, у которых флексия присоединяется к косв. падежу (что дает формы полуагглютинативного типа). Кроме того, одни падежи употребляются с послелогами, а другие — без них. Косв. падеж в хинди употребляется только с послелогами, причем для местоимений 1 и 2-го лица в состав этих послелогов не входит послелог со значением род. падежа *kā/ke/kī*, а для местоимений 3-го лица такого ограничения нет. С косв. падежом может употребляться и послелог дат.-вин. падежа *ko*. Эргат. падеж употребляется только с послелогом деятеля *ne*. Прямой и дат.-вин. падежи употребляются без послелогов.

Четырехчленная оппозиция падежей — максимальная для личных местоимений хинди. В таком виде она реализуется только у местоимений 3-го лица мн. числа. Для остальных личных местоимений характерен тот или иной тип редукции этой схемы. Трехчленная оппозиция падежей у личных местоимений хинди представлена двумя вариантами. Один вариант — прямой падеж: косв., эргат.: дат.-вин. — существует у местоимений 3-го лица ед. числа. Другой вариант — прямой, эргат.: косв.: дат.-вин. — существует у местоимений 1-го лица ед. числа. Двучленная оппозиция — прямой, косв., эргат.: дат.-вин. — характерна для местоимений 1-го лица мн. числа.

Система падежей личных местоимений в хинди может быть представлена в виде сводной таблицы (см. табл. 1).

Анализ парадигмы склонения личных местоимений в хинди приводит к следующим выводам. Местоимения 3-го лица в ряде отношений противостоят местоимениям 1—2-го лиц, вместе взятым. У местоимений 3-го лица в целом более разветвленная падежная парадигма (4-3 падежа), чем у местоимений 1—2-го лиц (3—2 падежа). Конфигурации падежей иные. В 3-м лице всегда различаются прямой и эргат. падежи (во мн. числе эргат. падеж противопоставлен также косв. падежу). В 1—2-м лицах всегда совпадают прямой и эргат. падежи (во мн. числе они совпадают также с косв. падежом). В 3-м лице косв. падеж может употребляться наряду с другими послелогами также с послелогом род. падежа *kā*. В 1—

Таблица 1

Лицо	Число	Падеж			
		прямой	эргат.	косв	дат.-вин.
1-е	ед.	<i>māi</i>		<i>mujh</i>	<i>mujhe</i>
	мн.	<i>ham</i>			<i>hamē</i>
2-е	ед.	<i>tū</i>		<i>tujh</i>	<i>tujhe</i>
	мн.	<i>tum</i>			<i>tumhē</i>
3-е	ед.	<i>vaḥ</i>	<i>us</i>		<i>use</i>
		<i>yaḥ</i>	<i>is</i>		<i>ise</i>
	мн.	<i>ve</i>	<i>unhō</i>	<i>un</i>	<i>unhē</i>
		<i>ye</i>	<i>inhō</i>	<i>in</i>	<i>inhē</i>

2-м лицах это запрещено, и в функции такого сочетания выступают местоименные притяжательные прилагательные: *merā* «мой», *hamārā* «наш», *terā* «твой», *tumhārā* «ваш».

Все простые личные местоимения характеризуются наличием особой формы дат.-вин. падежа, противопоставленной остальным падежам. Если грамматическая категория числа имеет формальное выражение у личных местоимений, то это проявляется в падежах, противопоставленных прямому падежу: в этих падежах мн. число сигнализируется конечными назализованными гласными *-ō*, *-ē* (*unhō*, *inhō*, *hamē*, *tumhē*, *unhē*, *inhē*).

Эмфатические местоимения в хинди образуются путем сочетания форм простых местоимений с эмфатической частицей. На этот счет разногласий среди исследователей этого языка нет. Некоторых уточнений требует форма этой частицы. В хинди существует в качестве самостоятельного слова эмфатическая частица *hī*, имеющая усилительное и ограничительное значение. Она может употребляться и с местоимениями, образуя с ними свободные синтаксические сочетания. В слитных эмфатических формах местоимений можно выделить после основы местоимения несколько вариантов эмфатической частицы: *-hī*, *-ī* в ед. числе, *-hī*, *-ī* во мн. числе, из которых последние три формы в качестве самостоятельных слов в хинди не употребляются, будучи специфичными аффиксами эмфатических местоимений.

Эмфатические местоимения имеют свою парадигму словоизменения, характеризуясь грамматической категорией падежа, которая складывается из оппозиции двух граммем: прямого и косв. падежа. Прямой падеж употребляется без послелогов, косв. падеж — только с послелогоми, включая послелог с эргативным значением *ne* и послелог со значением дат.-вин. падежа *ko*. Косв. падеж эмфатических местоимений 1 и 2-го лица не употребляется с послелогом род. падежа *kā/ke/kī*. В функции род. падежа употребляются свободные синтаксические сочетания соответствующих простых местоименных притяжательных прилагательных с эмфати-

Таблица 2

Лицо	Число	Падеж	
		прямой	косвенный
1-е	ед.		<i>mai/hī</i>
	мн.	<i>hamī/hamī</i>	
2-е	ед.		<i>tujhī</i>
	мн.	<i>tumhī/tumhī</i>	
3-е	ед.	<i>vahī</i>	<i>usī</i>
		<i>yahī</i>	<i>isī</i>
	мн.		<i>unhī/unhī</i>
			<i>inhī/inhī</i>

ческой частицей *hī*: *merā hī*, *terā hī*, *hamārā hī*, *tumhārā hī*. В отношении эмфатических местоимений 3-го лица такого ограничения нет.

Бинарная оппозиция падежей является максимальной для эмфатических местоимений в хинди. Полностью она реализована только у местоимений 3-го лица ед. числа. Парадигмы эмфатических местоимений 1 и 2-го лица ед. числа, а также 3-го лица мн. числа являются неполными, поскольку в них отсутствует прямой падеж, и в его функции выступает синтаксическое сочетание прямого падежа соответствующего простого местоимения и эмфатической частицы *hī*: 1-е лицо ед. числа *māi hī*, 2-е лицо ед. числа *tū hī*, 3-е лицо мн. числа *ve hī*, *ye hī*. У местоимений же 1 и 2-го лица мн. числа оппозиция падежей нейтрализуется в одном члене, употребляемом недифференцированно без послелога или с любым послелогом (кроме *kā*).

Систему падежей эмфатических местоимений хинди можно представить в виде сводной таблицы (см. табл. 2).

Из табл. 2 видно, что в прямом падеже представлены не все эмфатические местоимения, а в косв. все, и таким образом именно косв. падеж является сильной позицией для различения этих местоимений (кстати, в парадигме именного склонения в хинди сильной позицией также является косв. падеж).

Парадигма склонения эмфатических местоимений редуцирована по сравнению с парадигмой простых местоимений. В ней нет особой формы дат.-вин. падежа, противопоставленность которой остальным падежам релевантна для всех простых личных местоимений, и нет эргат. падежа, характерного для 3-го лица мн. числа простых местоимений. В этих функциях выступает косв. падеж, объем которого у эмфатических местоимений тем самым гораздо больше, чем у простых.

Грамматическая категория числа выражена у эмфатических местоимений по тому же типу, что и у простых. Маркированной является грамм. мн. числа, которая символизируется конечным назализованным гласным *-ī* (*hamī*, *tumhī*, *unhī*, *inhī*). Правда, в отличие от простых место-

имений здесь всегда есть соответствующие фонетические варианты этого аффикса без назализации, хотя и более редкие в современном языке по сравнению с назализованными. Естественно предположить, что именно неназализованные варианты, фонетически совпадающие с эмфатической частицей *hī*, отражают некий переходный этап в процессе слияния в единую форму местоимения и частицы. Назализация же конечного гласного во мн. числе, которая могла произойти под влиянием парадигм простых местоимений, знаменует собой завершение этого этапа и грамматикализацию оппозиции.

В исследованном материале на многие десятки назализованных форм мн. числа эмфатических местоимений встретилось только три с неназализованным гласным, а именно: *hamī logō ke liye martī hai* 12, 233⁴ «Ведь это для нас она умирает»; *muliyā tinakkar bolī — sārā moh-choh tu m hī ko hai kī aur bhī kīsī ko hai?* 12, 27 «Мулия раздраженно сказала: „Ради тебя все это безумие или ради кого-нибудь еще?“»; *par jo un koṭhriyō mē hai, jo 'bhārat' mē hāi aur sazā bhugat rahe hāi, vah un hī kī tara f hogā, vah akregā aur laregā* 2, II, 51 «Но он будет на стороне только тех, кто живет в этих хижинах, кто живет в Индии и подвергается гонениям, он будет стоять на своем и сражаться».

Помимо того, что парадигма эмфатических местоимений редуцирована по сравнению с парадигмой простых местоимений, она неполна. Трудно сказать, почему именно у местоимений определенного лица и числа нет эмфатических форм. Не исключено и чисто фонетическое объяснение: не имеют эмфатических форм местоимения, оканчивающиеся на гласный звук (*māi, tū, ve, ye*), в отличие от местоимений, оканчивающихся на согласный. В функции эмфатических местоимений 3-го лица мн. числа, правда, могут выступать соответствующие эмфатические местоимения ед. числа, например: *jinhē usne hameśā nīc samjhā, v a h ī uspar hāsēge* 12, 85 «Над нею будут смеяться те с а м ы е (люди), кого она считала низкими» или: *mujhe y a h ī jīvan ke rog lagte hāi — inhī se to māi bacā cāhtā hū* 2, II, 141 «Я а к р а з о н и - т о и кажутся мне язвами жизни — от них я и хочу спастись». Надо сказать, однако, что такая функциональная замена не является специфичной именно для эмфатической парадигмы, она свойственна прежде всего парадигме простых местоимений, у которых в 3-м лице формы ед. числа выступают в функции мн. числа.

Синтагматическая характеристика эмфатических местоимений в хинди невозможна без учета той особенности, что все слитные эмфатические формы (кроме *vahī, yahī*) употребляются в текстах наряду со свободными синтаксическими сочетаниями соответствующих простых местоимений с эмфатической частицей *hī* с тем же значением. Иначе говоря, во всех лицах и числах, кроме 3-го лица ед. числа, существует в самых широких масштабах синтаксическая синонимия эмфатических слитных форм и свободных синтаксических сочетаний.

⁴ Ссылки в тексте даются на порядковые номера использованных изданий в нижеприводимом списке: 1) *Ag ye u, Apne — apne ajanbī*, Kāśī, 1961; 2) *Ag ye u, Sekhar, Vārāṇasī*, 1966; 3) *An a n d k u m ā r, Bhārattya kathāe*, Dillī, 1951; 4) *U p e n d r a n ā t h A ś k, Andhī galī*, Ilāhābād, 1956; 5) *U p e n d r a n ā t h A ś k, Alag alag rāste*, Ilāhābād, 1954; 6) *U p e n d r a n ā t h A ś k, Devtāo kī chāyā mē*, Ilāhābād, 1953; 7) *K h v ā j ā A h m a d A b b ā s, Cīrāg tale*, Dillī, [6. r.]; 8) *D e v r ā j, Rōre aur patthar*, Dillī, 1958; 9) *D e v e n d r a S a t y ā r t h t, Dūdh — gach*, Dillī, 1958; 10) «Pañcatantra». *Anuvāda* Dā. Motīcandra, Bambāī, [6. r.] 11) *P r e m c a n d, Gaban, Banāras*, 1948; 12) *P r e m c a n d, Grāmā jīvan kī kahāniyā*, Banāras, 1952; 13) *P r e m c a n d, Jaṅgal kī kahāniyā*, Ilāhābād, [6. r.]; 14) *R ā m p r a t ā p T r i p ā t h ā, Upaniṣadō kī kahāniyā*, Prayāg, 1950; 15) *V ṛ i n d ā v a n l ā l V a r m ā, Rākht kī lāj*, Jhāsi, 1955.

Частотность употребления слитных эмфатических форм местоимений разных лиц и чисел весьма неодинакова. Самым редким является местоимение 2-го лица ед. числа косв. падежа *tujhī* (например: *vah tu j h ī p a r dāt lagāye baṭhā hai. tere sivā koī aur use bhātī hī nahī* 12, 34 «Он только на тебя и зарится. Ведь, кроме тебя, никакая другая ему и не светит»). Малая употребительность этой эмфатической формы зависит, несомненно, от того, что простое местоимение 2-го лица ед. числа *tū* в современном хинди оказалось в значительной степени вытесненным местоимением 2-го лица мн. числа *tum*.

К числу очень редких принадлежит слитная эмфатическая форма 1-го лица мн. числа *hamī/hamī*, хотя парадигматически она представляет и прямой, и косвенный падеж, к тому же в 1-м лице форма мн. числа может функционировать в качестве формы ед. числа для передачи высокого социального положения говорящего. Для выражения эмфатического значения здесь отдается явное предпочтение синтаксическому сочетанию, например: *śrīmatī seṭh: (rote hue) āp kyō cale jāyā? h a m h ī calī jāyāgī* 6, 111 «Госпожа банкирша (плача): „Почему Вы уходите? Это я уйду“.

Следующей по возрастанию употребительности является эмфатическая форма косв. падежа местоимения 1-го лица ед. числа *tujhī*. Наиболее частый случай синтаксической синонимии можно наблюдать в дат.-вин. падеже, когда в принципе возможен выбор между следующими способами выражения: 1) косв. падеж эмфатического местоимения + *ko*; 2) дат.-вин. падеж + *hī*; 3) косв. падеж простого местоимения + *ko* + *hī*. Третий способ выражения встречается совсем редко, поскольку форма дат.-вин. падежа у местоимений вообще заметно преобладает над аналитическим сочетанием косв. падежа с послелогом *ko*. Второй способ встречается чаще первого, при этом нужно отметить, что никакой разницы в степени эмфазы, видимо, не наблюдается. Ср., например: *faisalā to tu j h ī k o karnā hai* 4, 80 «Решение-то мне принимать приходится» и *pūran kyā tum bhī tu j h e hī doṣī samajthe ho?* 5, 38 «Пуран, и ты тоже считаешь, что это я виноват?».

Из местоимений 1 и 2-го лица наиболее употребительна эмфатическая форма местоимения 2-го лица мн. числа *tumhī*, представляющая все падежи. Она хорошо засвидетельствована в текстах в функции разных падежей. Например: прямого — *tu m h ī hotī, to paritāp kī zarūrat kis bāt ke liye hotī* 2, II, 101 «Будь это ты, о чем было бы жалеть!» (наиболее частый случай — это прямой падеж *tumhī* в роли подлежащего при сказуемом, выраженном глаголом в императиве: *thorī jhijhak ke bād yānne kahā: «to tu m h ī paros do»* 1, 96 «Ян сказал, слегка вздрогнув: „Так это ты и угощай“»); эргат. — *tu m h ī n e mujhko prem sikhāyā* 9, 256 «Это ты научил меня любить»; косв. с разными послелогам — *to sūkhā prem tu m h ī k o phale* 11, 15 «Так пусть тебе и принесет плоды засохшая любовь!» (в том числе с аналитическим показателем мн. числа *log*: *kismat kyā tu m h ī l o g o k e l i y e rah gayī hai?* 5, 67 «Разве для вас осталась счастливая судьба?»).

При всей употребительности слитная эмфатическая форма *tumhī* может дублироваться синтаксическими сочетаниями с *hī*; синонимичное употребление того и другого типа местоимения можно встретить совсем рядом у одного автора (например: «...*citṭhī tu m h ī likhna apnī taraf se!*» «*nahī tu m se h ī likhvāūgī! tu m h ē h ī likhni hogī!*...» 9, 91 «Это ты напиши письмо от себя!» — „Нет, я его тебе продиктую! Ведь его должна написать ты“), а также в аналогичных синтаксических

конструкциях (*t u m h ī batāo yār* 7, 53 «Расскажи ты сам, друг!» и *ab t u m h ī kaho, hāsī na āe yah sunkar ki kitne hī hinduō ne ādhare mē pākistān mē dam torā aur kitne hī musalmānō ne hindustān mē* 7, 113 «А теперь ты сам скажи: тут не до смеха, когда услышишь, сколько индусов погибло во мраке Пакистана и сколько мусульман — в Индии»).

Во всей местоименной парадигме чаще всего употребляются слитные формы эмфатических местоимений 3-го лица. В 3-м лице ед. числа не допускаются параллельные синтаксические сочетания с *hī*. Здесь необходимо принять во внимание также и ту особенность местоимений 3-го лица, что в тексте они выступают не только в синтаксических функциях имен существительных, подобно местоимениям 1 и 2-го лица, но и в адъективной функции, свойственной прилагательным (что объясняется происхождением личных местоимений 3-го лица из указательных).

В данной статье рассматриваются как личные местоимения 3-го лица, так и указательные, поскольку эмфатические формы имеются в равной мере и у тех, и у других, например: *māine isī per par janm liyā hai*; *isī par merā pālan huā hai*; *isī par māine bāl — krīrāyē kī hū* 3, 97 «На этом самом дереве я родился; это на нем меня растили, и на нем играл я в детские игры» (слова поцугая).

В текстах встречаются многочисленные эмфатические формы этих местоимений в функции разных падежей. Например, прямой падеж: *ham mājhiyō kā netā v a h ī to thā* 7, 27 «Этот он был вожаком среди нас, лодочников»; *māi jo hū v a h ī hū*; *aur selmā — selmā mar cukī hai — hai hī nahī* 1, 111 «Я какая есть, такая же и осталась; а Сельма — Сельма умерла — нет ее»; *y a h ī saccā dharm hai* 3, 26 «Именно это истинная религия» (в функции им. падежа) или *māi jo kahtā hū v a h ī kartā hū aur jo kartā hū v a h ī kahtā hū* 6, 102 «Я что говорю, то и делаю, а что делаю, то и говорю», *y a h ī to māi bhī kahtī hū — lekin dūsri tarah se* 1, 104 «Я говорю это же самое — только иначе» (в функции вин. падежа прямого объекта прежде всего при глаголах говорения, восприятия и т. п.).

Форма косв. падежа употребляется со всеми без исключения послелогами, в том числе с послелогом эргат. падежа *ne*, например: *u sī ne to pakrā thā usko* 2, II, 49 «Этот он схватил его», *vah bolā „isī ne bulāyā thā“* 2, II, 91 «Он сказал: „Эта она (меня) позвала“», *ek bār u n h ī r ā j ā janak ne ek bahut barā yagya kiyā* 14, 82 «Однажды этот самый раджа Джанак совершил грандиозное жертвоприношение», *yah to i n h ī chut-bhaiyō ne ādher macā rakhā hai* 4, 113 «Это вот эти самые младшие братья учинили безобразие». Необходимо отметить, что во мн. числе послелог *ne* употребляется с *unhī*, *inhī* только в атрибутивной функции (во всем исследованном материале не встретилось ни одного примера на *unhī ne*, *inhī ne* аналогично *usī ne*, *isī ne*).

Форма косв. падежа употребляется также с послелогом род. падежа (в отличие от личных местоимений 1 и 2-го лица и по аналогии с существительными), например: *yah sab u sī k ā jādū hai* 9, 223 «Все это ее же колдовство», *isī k ā nām pativrāt hai* 12, 167 «И это она зовется верною женой!» (буквально: «И это ее имя — верность!»), *u n h ī k ī madad se ham donō ghar pahūce* 13, 56 «Этот только с их помощью мы оба добрались до дому», *dekh lenā, i n h ī k e bal par vah kutud kā vivāh murārī paṇḍit ke ghar karēgi* 12, 79 «Посмотрите: при их же поддержке она устроит свадьбу Кумуд в доме пандита Мурари».

Эмфатическая форма местоимения 3-го лица употребляется и с послелогом дат.-вин. падежа *ko*. Например: *jise vah mār cukā thā u sī k o sāmne*

jīvit kharā dekhkar rāj Kumār ko barā āścarya hai 3, 62 «Увидев перед собой живым того самого (человека), которого он убил, принц очень удивился»; *yah bānmāhus to śer se bhī zyādā khaufnāk hai. pahile i sī k o kyō na mārū* 13, 9 «А ведь эта горилла гораздо опасней, чем тигр. Почему бы мне ее не убить сначала?»; *senā ko lekar rākṣasō se bhī i n h ī k o to larnā hotā hai* 7, 31—32 «И им вместе со (своим) войском приходится бороться против ракшасов»; *sardār ne i n h ī k o bhaṅg kā golā diyā thā jo inhōne khāyā thā aur apne sāthī sipāhiyō ko bāṭā thā* 15, 68 «Командир и ему дал шарик (наркотика) бханга, которого он отдал и разделил со своими товарищами-солдатами». Названная форма употребляется также с другими послелогоми.

Косв. падеж местоимений 3-го лица входит в состав целого ряда очень употребительных усеченных конструкций, в которых опущен послелог и которые функционируют в качестве наречных оборотов времени, образа действия, причины и т. п. Например: *iśī samay* «в это самое время», *uśī samay* «в то самое время», *inhī dinō* «в эти самые дни», *iśī bīs* «между тем», *iśī tarah* «точно так же», *iśī kārān* «именно поэтому».

При всей употребительности косв. падежа эмфатических местоимений 3-го лица в хинди то же значение может быть выражено посредством синтаксических сочетаний простых местоимений с *hī*. Примечательно, что конструкции с *hī* выступают в текстах как синонимы именно к эмфатическим личным местоимениям 3-го лица с разными послелогоми, а не к соответствующим указательным местоимениям. В одном случае можно отметить даже определенную синтаксическую противопоставленность: если эргат. послелог *ne* употребляется только с эмфатическими формами указательных местоимений 3-го лица мн. числа в роли определения, то эмфатическое значение при употреблении этих форм в функции имен существительных передается посредством конструкции с *hī*, ср. *inhō ne hī* и *inhō ne hī*, например: *aur u n h ō n e h ī kah diyā ki jis rājā ke pās kilā hogā, vah rājā vijayī hogā* 10, 65 «А сам он провозгласил, что победителем будет тот раджа, у кого окажется крепость». Таким образом, в парадигме личных местоимений 3-го лица мн. числа противопоставление эргат. падежа косвенному имеет более высокий ранг, чем противопоставление эмфатической формы простой.

При употреблении со всеми остальными послелогоми местоимений 3-го лица допускается выбор между двумя конструкциями: «слитное эмфатическое местоимение + послелог» или же «простое местоимение + послелог + *hī*». Синтаксическая конструкция с *hī* может быть синонимичной сочетанию слитных эмфатических местоимений 3-го лица ед. числа с послелогом деятеля *ne*, например: *ākh ke rogiyō ke sambandh mē aisā hī ek samjha-utā maine kal fāktar kapūr se kiyā thā aur yah jo rogī abhī baiṭhā thā, yah u s n e h ī bhejā hai*, 6, 183 «Вчера я договорился с доктором Кануром относительно больных глазными болезнями, и это он прислал того больного, который здесь только что сидел». Изредка конструкция с *hī* выступает как синоним слитных эмфатических местоимений 3-го лица с послелогом род. падежа, например: *devlok mē u n k ā h ī hukm to caltā hai* 7, 31 «На мир богов распространяется его же власть» (в исследованном материале совсем не встречалось *us k ā hī* вместо *uśī k ā* или *is k ā hī* вместо *iśī k ā*).

Гораздо чаще употребляется конструкция с *hī* в качестве синонима к слитным эмфатическим местоимениям с послелогом дат.-вин. падежа, например: *arakāriyō ke prati jo sādhu hai, bhale ādmī u s e h ī sādhu kahte hai* 10, 68 «Добрые люди называют святым только того, кто святой

по отношению к злодеям», *jo karm nindārahīt hāi, u n h ē h ī karnā...* 14, I, 162 «Надо совершать только те поступки, которые не вызывают осуждения...». Оба эти способа выражения эмфатического значения местоимений могут встречаться в текстах совсем рядом, например: *balki qabr ban kyā jāyagā, qabr to banī — banāyī taiyār hai aur u n h ī k o marnā bāqī hai! qabr to samay se hī ban gayī hai — u n h ē h ī marne mē der ho gayī hai* 1, 13 «Но зачем рыть могилу, могила уже вырыта и готова, а ей только осталось умереть! Могила-то вырыта вовремя, а она вот задержалась со смертью». Таким образом, граммема дат.-вин. падежа, противопоставленность которой другим граммемам характерна для всех разрядов простых личных местоимений, в значительной степени сохраняет силу и при выражении эмфатического значения.

Эмфатические конструкции аналитического типа могут встречаться и с другими послелогоми, например: *kyā yahī rahasyā thā ...ki varan kī svatantratā nahī hai lekin racnā phir bhī sambhao hai aur u s m ē h ī muktī hai?* 1, 112 «Не в том ли заключалась тайна, что свободы нет, однако созидание возможно, и не в этом ли состоит освобождение?», *...isī tarah i s ā t m a s e h ī ūpar kī sabhī vastuō kā janm hotā hai* 14, I, 108 «...вот так от этого самого духа родились все высшие субстанции».

Самыми употребительными из всех эмфатических местоимений являются местоимения 3-го лица ед. числа *vahī, yahī* — единственные местоимения, не допускающие синонимии аналитических конструкций с простыми местоимениями и *hī*. Высокой частотностью этих форм объясняется и некоторая стертость их эмфатического значения, ср. случаи дополнительного употребления *hī* после них, например: *v a h ī «s a t» h ī in sab kā mūl āsray aur adhiṣṭhān hai...tum bhī v a h ī «s a t» h ī ho aur māi bhī v a h ī «s a t» h ī hū* 14, I, 139 «Вот эта самая „сущность“ и есть главная опора и основа... И ты — эта самая сущность, и я тоже эта самая сущность»; *marne ke bād y a h ī k a r m a h ī śeṣ rah jāte hai* 14, I, 89 «После смерти остаются эти же самые кармы» (следует отметить, что в таких конструкциях эмфатическое местоимение всегда бывает в атрибутивной функции).

Большая употребительность этих местоимений объясняется тем, что они выступают и в функции личных (т. е. заменяя имена существительные), и в функции указательных (т. е. заменяя прилагательные). Кроме того, местоимение *yahī* в определенного типа сложных предложениях функционально приближается к относительному местоимению или союзному слову главного предложения, с которым соотносится союз *kī* «что» в придаточном. Так, в сложных предложениях изъяснительного типа ⁵ *yahī* иногда может использоваться в этой функции и как дейктическое местоимение, и как местоимение 3-го лица. Для дейктических местоимений характерно употребление, во-первых, в составе сказуемого главного предложения, типа *kāraṇ yahī hai ki...* «Причина в том (такая), что...», *bāt yahī hai ki...* «Дело в том (такое), что...», *arth yahī hai ki...* «Смысл в том (такой), что...» и т. п., во-вторых, в качестве определения к какому-либо члену главного предложения, с которым соотносится придаточное определительное или изъяснительное, например: *iskā arth y a h ī hai ki pratyek bhāratīy naujavan apne mā — bāp kā gulām hai* 2, I, 223 «А это значит (буквально: „значение этого такое есть...“), что каждый

⁵ О содержании этого несколько расплывчатого термина, с помощью которого описывается целый ряд определительных и дополнительных предложений, см.: В. П. Липеровских, Сложные предложения в хинди, М., 1972, стр. 43 и сл.

индийский юноша — раб своих родителей», *śart ya hī hai ki vah apnī goṣṭhī ke sāth kiye kā phal bhogne ko taiyār rahe, hāstā — kheltā phāṣī par carh jāy* 11, 238 «Но условие таково, что он должен быть готов пожинать плоды того, что сделано по его совету, — улыбаясь лезть в петлю». В такой функции в сложных предложениях может встречаться и простое дейктическое местоимение *yah: kāraṇ yah hai ki..., bāt yah hai ki..., arth yah hai ki...* и пр. Таким образом, в данном типе конструкций возможен выбор между эмфатическим и простым местоимением.

Иная ситуация имеет место в тех синтаксических конструкциях, в состав которых входят местоимения 3-го лица, заменяющие имена существительные. В этой связи надо сказать несколько слов об особенностях выражения значения вин. падежа в хинди у имен существительных и у местоимений. Известно, что значение вин. падежа имеет две формы выражения, которые условно можно назвать прямым падежом (он же выражает значение им. падежа) и косвенным падежом (он же выражает значение дат. падежа). У имен существительных в функции косвенного падежа выступает косв. падеж с послелогом *ko*. У местоимений, кроме этого способа выражения, есть еще один — особая форма дат.-вин. падежа. Употребление прямого или косвенного падежа при выражении прямого объекта переходного глагола регулируется определенным семантическим противопоставлением, объем которого для имени и местоимения различен. Как показывают последние исследования этого сложного вопроса⁶, у имени существительного этот выбор обуславливается семантическими оппозициями: «лицо — не-лицо» (заданной лексическим значением имени) и «конкретизированный объект — неконкретизированный объект» (заданной субъективным отношением говорящего к предмету). Это можно проиллюстрировать следующими стандартными фразами: *māine larke ko dekhā* «Я видел мальчика» (мальчик — лицо, поэтому употребляется косвенный падеж), *māine kitāb dekhī* «Я видел книгу» (книга — не-лицо, поэтому употребляется прямой падеж), но возможно и *māine kitāb ko dekhā* «Я видел (определенную) книгу» (книга понимается конкретизированно, поэтому употребляется косвенный падеж).

Семантические оппозиции, регулирующие употребление падежа прямого объекта-местоимения, отличаются от тех, которые характерны для имени. Оппозиция «лицо — не-лицо» для местоимения нерелевантна — вин. падеж местоимений, заменяющих имена со значением *лицо* или *предметов*, всегда бывает оформлен (т. е. прямой падеж здесь недопустим). Во фразе *māine u se dekhā* «Я его (ее) видел» местоимение *use* может соотноситься и с *лицом*, и с *не-лицом*. Ср., например, такие примеры из текстов: *khāṇḍikya ke mantriyoṅ ne u se dūr se dekhkar apne svāmī se kahā* 3, 78 «Увидев его издали, советники Кхандикья доложили своему господину («его» — т. е. раджу, прямой объект — *лицо*); *uddālak bole — «vatsa! unmē ek bij le lo aur u se torḥkar dekho ki usmē kyā cīz hai* 14, I, 142 «Уддалак сказал: „Дитя мое! Возьми одну косточку из них, разбей ее и посмотри, что в ней есть“» (прямой объект — *не-лицо*, конкретный предмет); *dūsrā upāy kuch kaṭhīn hai par tum adhyavasāyī ho, u se bhī sādhyā kar sakte ho* 14, I, 150 «Другое средство несколько сложнее, но ты настойчив, его ты тоже сможешь сделать доступным» (прямой объект — *не-лицо*, абстрактное понятие).

Во всех этих примерах прямой объект, выраженный местоимением, характеризуется конкретностью, членимостью класса, к которому при-

⁶ См.: Г. А. Зограф, О грамматической категории одушевленности в новых индоарийских языках, сб. «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона», М., 1968.

надлежит данное понятие, на отдельные единицы. Если же прямой объект выражен прямым падежом местоимения, то это значит, что прямой объект интерпретируется как нечто печленимое. Так, стандартная фраза *māi ne y a h dekhā* значит «Я э т о видел» (что-то, о чем было рассказано ранее и что воспринимается как единая, печленимая картина). Например: *y a h sunkar ve tīnō sām tak van mē ghūme, parkōi prāṇī nahī milā* 10, 101 «Услышав э т о, они втроем до вечера пробродили в лесу, но не встретили ни одного живого существа» («это» — предложение отправиться в лес в поисках добычи); *śekhar kī mānasik garhan kī kis sāmārthya ne, yā śikṣā ke kis siddhānt ne, yā kis apar śakti kī kis prernā ne us din use bacāyā, y a h vah nahī jān sakā* 2, I, 180 «Какая особенность психического склада Шекхара, или какая доктрина учения, или какой импульс какой иной силы спасли его в тот день, — э т о г о он не мог понять» (содержание «этого», как видно из перечисления, понимается как нечто весьма неконкретное).

В сложных предложениях изъяснительного типа содержание прямого объекта при глаголе говорения или восприятия раскрывается посредством придаточного предложения, причем употребление местоимения *yah* в главном предложении нейтрального стиля сугубо факультативно. Точнее сказать, большей частью в предложениях такого типа *yah* отсутствует, например: *...lekin jab ve dekhthe hāi ki bacat dūstre harap jāte hāi, to ve socte hāi, agar dūsrō ko hī khānā hai, to ham kyō na khāē* 11, 174 «Но когда они видят, что доход присваивают другие, то они думают: если другим тоже надо есть, то почему бы и нам не поесть?». Употребление *yah* в таких предложениях приобретает легкую эмфатическую окраску, например: *aur phur nahī āte. kyōki aise kitne māstar hāi, jo y a h nahī samajhte ki parhāi tabhī tak sambhao hai jab tak śiṣya par guru kā rob rahe* 2, I, 55 «И он больше не приходил. Потому что, есть ли такой учитель, который не понимал б т о г о, что обучение возможно лишь до тех пор, пока у ученика остается уважение к наставнику». Эмфатический характер *yah* в этих конструкциях может подчеркиваться порядком слов, частицами, например: *y a h b h ī kah denā ki unke gahne māine hī curāye the* 11, 310 «И о т о м (ей) также скажите, что это я украл ее драгоценности». Нормой является употребление эмфатического местоимения *yahī* в этой позиции, например: *jī to merā y a h ī cāhtā hai ki tum hindustān mē hī raho...* 7, 56 «Я от всей души хочу т о г о, чтобы ты остался в Индии...» или *samkṣep mē y a h ī samjhiye ki is jīvan ke sukhō kī cintā chorakar vah agle jīvan kī taiyārī mē lagā rahitā thā* 3, 14 «Короче говоря, представьте Вы себе т о, что он оставил мысль о радостях этой жизни и был занят приготовлениями к будущей жизни». Такое же соотношение в употреблении простого и эмфатического местоимения в сложных предложениях изъяснительного типа наблюдается и в случае атрибутивной функции местоимений⁷.

Кроме личных и указательных местоимений, эмфатическая форма существует у определенного местоимения *sab* «все» — *sabhī* «все до одного», но особой эмфатической парадигмы *sabhī* не имеет (впрочем в современном языке парадигма очень слабо выражена и у *sab*). Неопределенно-личное местоимение *koī* «кто-нибудь» (косв. падеж ед. числа *kisī*, косв. падеж мн. числа *kinhī*) является эмфатическим по происхождению (ср. вопросительное местоимение *kaun* «кто», косв. падеж ед. числа *kis*, косв. падеж мн. числа *kin*), но не по значению в современном языке.

⁷ См.: В. П. Липеровский, указ. соч., стр. 45—46.

В хинди существуют регулярные соответствия между простыми и эмфатическими слитными формами нескольких разрядов наречий. Таковы наречия места — *yaḥā* «здесь»: *yaḥī*, *vaḥā* «там»: *vaḥī*, *kaḥā* «где?»: *kaḥī*, *jaḥā* «где»: *jaḥī*; времени — *ab* «сейчас»: *abhī*, *tab* «тогда»: *tabhī*, *kab* «когда?»: *kabhī*, *jab* «когда»: *jabhī*⁸. У наречий образа действия эмфатическое значение может передаваться как соответствующими слитными формами, так и синтаксическими сочетаниями простого наречия с частицей *hī*, ср.: *yō* «так»: *yō hī*, *tyō* «также»: *tyō hī/tyōhī*, *kyō* «почему?», «как?»: *kyō hī*, *jyō* «как, каким образом»: *jyō hī/jyōhī*. Не имеют слитных эмфатических форм наречия направления: *idhar* «сюда», *udhar* «туда», *kidhar* «куда?», *jidhar* «куда». Эмфатическое значение выражается здесь только посредством синтаксических сочетаний с частицей *hī*. В этом ряду отсутствие слитных эмфатических форм может иметь чисто фонетическое объяснение: в хинди нет придыхательного сонорного *rh*, и поэтому формы типа **idharhī* невозможны.

Регулярность формального соответствия простых и эмфатических наречий нарушается на семантическом уровне. Не все наречия, структурно принадлежащие к эмфатическому ряду, имеют в современном хинди эмфатическое значение. Так, *kaḥī* значит «где-нибудь; куда-нибудь; не; никогда; больше; гораздо; если» и семантически не является эмфатическим соответствием к *kaḥā*; *kabhī* значит «когда-нибудь; всегда» — ср. значение *kab*⁹. Семантические сдвиги произошли также в значении эмфатических местоимений образа действия по сравнению с соответствующими простыми. Так, *tyōhī* значит «тогда же; в тот же момент», а *jyōhī* «как только», т. е. они являются наречиями времени, а не образа действия, подобно простым *tyō* и *jyō*.

Вся совокупность фактов, относящихся к области эмфатических форм местоимений и наречий в хинди (а рассматривать эти два класса слов изолированно в данном случае было бы неправильным), приводит к заключению, что эти формы нельзя интерпретировать как грамматическую категорию. Они не образуют полной регулярной парадигмы словоизменения, обязательной для всех единиц данного класса (не все личные местоимения и не все разряды наречий образуют слитные эмфатические формы), не являясь единственным способом выражения данного значения (почти всегда у местоимений и очень часто у наречий возможен выбор между слитной эмфатической формой и синтаксической конструкцией с частицей *hī*); наконец, ряд эмфатических форм имеет новое лексическое значение по сравнению с соответствующими простыми формами. Интерпретация эмфатических форм должна охватывать смежные области формообразования, словообразования и синтаксиса (ср. аналогичную ситуацию с интенсивными глаголами в хинди).

Местоимения обладают способностью присоединять к себе эмфатические частицы в целом ряде новоиндийских языков. Материально различного происхождения (хинди *hī*, бенгали *i*, маратхи *ē*, гуджарати *j* и т. д.), все эти частицы имеют усилительное и выделительное значение¹⁰ (иногда

⁸ По своей структуре эти наречия образуют изоморфные ряды с указательными местоимениями, а по своей семантике являются, по терминологии Бенвениста, «указателями», соотносенными с моментом речи, что объединяет их с местоимениями 1—2-го лица (см.: Э. Бенвенист, Общая лингвистика, М., 1974, стр. 287).

⁹ На этот семантический сдвиг обращено особое внимание в кн.: «A basic grammar of modern Hindi» (стр. 106).

¹⁰ См.: J. Bloch, Indo-Aryan from the Vedas to modern times, Paris, 1965, стр. 196.

эмфатический характер прослеживается лишь диахронически ¹¹). Обычно эти частицы обладают самой широкой синтаксической валентностью и способны употребляться со всеми классами полнзначных слов. Иногда с одним определенным классом слов они могут образовывать более тесные сочетания, чем с другими (например, *-ś* с наречиями в маратхи ¹² или *hī* с притяжательными местоимениями в синдхи ¹³). В отдельных языках эмфатические частицы могут трактоваться то как формообразующие, то как словообразующие, то как компонент синтаксического сочетания. На фоне других новоиндийских языков хинди обладает наиболее развитой системой слитных эмфатических форм местоимений.

¹¹ См. историю ряда таких форм в кн.: S. K. Chatterji, *The origin and development of the Bengali language*, II, Calcutta, 1926, стр. 845.

¹² См. об этом: Т. Е. Катенина, *Очерк грамматики языка маратхи*, М., 1963, стр. 274.

¹³ См.: Р. П. Егорова, *Язык синдхи*, М., 1966, стр. 88.